

Лемещенко Петр Сергеевич, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики,
докт. экон. наук, профессор;
(220050, комн. 203, 410, кафедра теор. и инст.т. экономики, эконом. факультет, Белорусский
государственный университет,
пр-т Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь; тел.: сл. 222 35 93, 222 36 01;
адрес дом.: 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 331 96 64;
e-mail: индивидуальн. - liamp@bsu.by; кафедры - caftiec@bsu.by - lemeshchenko@bcse.by

ИННОВАЦИОНОМИКА: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РИТОРИКА ИЛИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА?

...Ничем не подкрепляемые умозрительные построения сбросили узы стеснявшей их высшей инстанции – экспериментального диалога. Раскол между естествознанием и философией, а также всеми науками гуманитарного цикла еще больше усугубил взаимную неприязнь и взаимные опасения

И. Пригожин, И. Стенгерс. Порядок из хаоса. М., 2003. С. 87.

Методология вопроса

«Инновация» («innovation» - англ.) – нововведение, новшество, новаторство; новое правило, вновь установленный порядок (слов. С.И. Ожегова). На практике стремление к выживанию еще Робинзоном стало достижимым лишь через те нововведения, которые этот добрый и наивный человек использовал и старался применять в своей далеко не коммерческой, но крайне важной для него самого жизнедеятельности. Например, также деньги, банки, капитал явились теми новыми социально-экономическими нововведениями, которые, разрешая известные противоречия, обеспечивали при этом все-таки поступательное развитие техники, технологий, экономических форм, производственных отношений. В теории понятие «инновации» можно найти уже в работах 20-х годов прошлого столетия по развивающемуся в теории и практике менеджменту. Однако акцент здесь делался все-таки на организационном начале, внедрение новшеств в которое без особых затрат также способствовал повышению эффективности как производства, так и достижению чисто коммерческого успеха. Однако в 30-50-е инновационная инициатива уже получает распространение и определенное теоретическое обобщение уже в научно-технической области [1]. Собственно экономическая наука¹ начала активно использовать данное понятие в своем аналитическом обороте где-то в 80-е годы. Причин здесь несколько. Во-первых, остро обнаружилась в изменившихся мировых социально-политических и технико-экономических условиях в очередной раз проблема поиска новых источников и факторов экономического роста. Надо признать, что в силу известных идеологических мотивов, которые всегда присутствовали и присутствуют в

¹ В данном контексте под экономической наукой понимается лишь предмет и сложившаяся исследовательская программа «экономикс» неоклассики. Об отличиях политэкономии, экономикс, других школ и направлений теории, а также закономерностях эволюции экономической науки в широком смысле слова, методологии и аналитического аппарата см.: Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции // Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции. – Минск: БГУ, 2001. – 299 с.; Очерки политической экономии / Под общ. ред. П.С. Лемещенко. – Минск: БГУ, 1999; Лемещенко П.С. Неополитэкономия как теоретический императив постиндустриального развития // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2000, № 2, с. 68-89; Экономика. Университетский курс: Учебное пособие / Под ред. П.С. Лемещенко, С.В. Лукина. – Мн.: Книжный Дом, 2007, введение, главы 1, 19.

экономической науке, более фундаментальная проблема выбора *стратегии, хозяйственных форм и институциональных порядков социально-экономического развития* ограничилась лишь вопросами экономического роста. Пока итоги (теоретические и практические) этой инициативы не очень плодотворны, поскольку произошли незначительные изменения в динамике реального ВВП и почти 60% прироста ВВП (остаток Солоу) никак не объясняется существующими подходами теорий роста. Во-вторых, сказались не только «пороки рынка», но и «пороки государства» и поэтому встал вопрос как, в каких конкретных социально- и политико-экономических *формах* совместить рыночный утилитаризм с цивилизационными ценностями (!) западного общества². Иначе говоря, проявился в очередной раз «порок мышления», заменившего на сей раз действительно фундаментальную проблему человеческого бытия более частной и мелкой. Причем ее решение «подсказывалось» господствующими нормами капитала и частной собственности узкого ее содержания. В-третьих, следовало разрешить возникшее противоречие крупного капитала, имеющего тенденцию к монополизации, к *корпоративному обобществлению*, и малого бизнеса, поддерживая который идеологически, теоретически и финансово «подогревая» естественно затухающую конкуренцию как движущую силу развития. Разрушительные эффекты последней можно было не принимать во внимание из-за своей незначительной величины и масштабов. В-четвертых, неоклассическая теория через понятие «инновации» делает *попытку восстановить* в «экономике» ее технико-технологическую основу, которая в классической политэкономии была представлена через категорию «производительные силы» и соответствующие их элементы, взаимосвязь. Напомним, что именно использованием категорий «производительные силы» и «производственные отношения», другим аналитическим аппаратом политэкономией разрешался вопрос об *источнике, экономических формах и направлении развития*, а также объяснялся его *циклический характер* и ступени перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Наконец, в-пятых, уже остро почувствовалась необходимость *целостного, всестороннего, развивающегося и полного* научного отражения крайне противоречивой реальности, в котором бы нашлось место и внеэкономическим условиям и факторам хозяйствования. А усиливавшаяся *научная специализация и приверженность идеологическим канонам* не позволяли это делать, порождая «дефект знания». Появление разных концепций (конвергенции, диффузии собственности, теории уравнивающей силы государства, государства всеобщего потребления, технотехники и пр.) подтверждают, что «мертвые зоны» реальности частично все-таки находили отражение в умах. «Ответственность за интеллектуальное заблуждение, – пишет Дж. Бьюкенен, – отчасти ложится на раскол старой «политической экономии» на отдельные современные дисциплины... Экономисты в большинстве своем стремились остаться позитивными аналитиками» [2, с. 426]. Таким образом, существенные онтологические изменения, происходившие в реальных хозяйственных процессах, а также осмысление гносеологических противоречий, серьезные теоретические наработки в других отраслях знания и междисциплинарные исследования *подвели к необходимости формирования новой теории с ее адекватной метапарадигмой и категориальным наполнением*³,

² В неявном виде органически целостное сочетание собственно экономики, политики, этики, философии, организации, права, архитектуры, дающее общий контур общества, было представлено еще в работах Смита (мы не будем пока касаться научных основ Аристотеля и Платона), семь лет преподававшего «Теорию нравственных чувств»; Рикардо, занимавшегося политикой, историей, бизнесом; Маркса, юриста по образованию; В.Ойкен – деятель Фрайбургской школы; Дж.Кейнс – участник Блумбергской группы.

³ В 80-е годы философско-методологические дискуссии переросли в методологический бум, где явно просматривается идея формирования новой парадигмы с иным предметом и методологией. См.: Алле М. Экономика как наука / Пер. с фр. – М.: Наука для общества, 1995. – 166 с.; Ананьин О. Экономическая

разрешающей «дефект знания»⁴. Но из множества накопленных проблем к началу двадцать первого века проблема политико-экономического, социального и технико-технологического развития приобрела особую актуальность. Поэтому взор ученых, практиков обратился к *инноватике*, которая почему-то приобрела смысл универсального средства преодоления возникшей всеобщей мировой стагнации, распространившейся буквально на все страны. Кто только не писал и не пишет сегодня об инновациях ...Но если обратиться к хронологии действия и мысли, то можно обнаружить, что современный экономический кризис поразил мир уже после того, как было написана масса книг и было сделано немало политико-экономических решений и заявлений на разных уровнях. Для постсоциалистических стран вообще ситуация с кризисом должна бы быть по крайней мере странной: совершили такую *социальную инновацию и ввели рынок* как универсальное средство эффективного хозяйствования (?..), а в результате оказались втянутыми в глобальное потрясение на всех уровнях отношений. И пока этот, равно как и многие другие острые, но актуальные вопросы остаются без ответа.

Следовательно, первым и важнейшим *новаторским шагом*, ведущим к устойчивому развитию на разных уровнях хозяйствования, является критическое осмысление и *позитивная оценка* исследовательских традиций, инвентаризация применяемого категориального аппарата и алгоритма исследования, поиск новых, более эффективных методологических подходов с соответствующим аналитическим инструментарием и определение закономерностей построения не просто многочисленных концепций или программ, а именно непротиворечивой теории. Причем не лишь какой-то частной теории, которых сегодня в силу научной специализации сложилось целое множество, а фундаментальной теории, объединяющей эти локальные ветви знания и *отражающей целостно политико-экономическую* структуру, законы и принципы хозяйствования современной мир-экономики. Ведь то, что сегодня существует – это не что иное, как материализованное знание прошлой теории и действующее экономическое сознание. Нам нравится сложившаяся хозяйственная практика? Вряд ли кого она оставит равнодушной особенно в силу возрастающей неопределенности и хаоса. У. Баумоль, положивший начало новой дискуссии с целью подвести итоги достижения экономической теории за прошлый век, пишет: «... Наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить *не в теоретических новациях*, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [3, с. 80, 104]. Применительно к нашей теме эвристические возможности неоклассической парадигмы Дж. Стиглицем оцениваются еще более конкретно: «Рыночная экономика, в которой исследования и инновации играют

наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999, № 10, с. 135–152; Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3, с. 336-422; Лемешенко П.С. Теоретическая экономика как научная основа мир-системы 21 века // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2006, № 4, с. 101-120. Странно лишь то, что проблемы *собственно* экономической науки крайне слабо находят понимание среди белорусских философов и экономистов. Российские экономисты, гуманитарии в целом, как нам представляется, также не преодолели гносеологического тупика. По крайней мере, существующие очаги просветления, к сожалению, пока не стали *доминирующими образами мышления* даже для своих граждан, населения других соседних стран. Эта одна из причин, например, медленно, но углубляющего противостояния и разделения между самой Россией, Белоруссией и той же Украиной. Имперскость (оправданная с нашей точки зрения) может проявиться реально тогда, когда дух имперский, державный будет поддержан и большинством населения этих и других стран, политико-экономическими институтами.

⁴ Используя из физики понятие «дефект массы» данное понятие по аналогии означает, что невозможно отдельными частными концепциями и «короткими» логическими цепочками воссоздать целостную и общую картину современного глобального мира экономики, как это может сделать фундаментальная теория.

важную роль, недостаточно хорошо описываются стандартной моделью конкуренции» [4, с. 391]. А какие же теории (теория) более или менее внятно и с учетом всех составляющих современного этапа эволюции объясняют процесс политико-экономического и социально-технического развития? Надо признать, что такой теории, которая бы целостно и концептуально хотя бы в первом приближении раскрывала этот процесс развития пока на сегодняшний день нет, о чем мы уже писали [5]. Каким то методологическим ориентиром в решении стратегических задач сегодня служит работа Й.А. Шумпетера «Теория экономического развития», получившая необычайную популярность в последние два десятка лет. Текущий общий мировой экономический кризис обусловил также неподдельный практический интерес и к трудам К. Маркса, в частности к «Капиталу». Востребованными оказываются в целом и работы по политической экономии, философии экономики, предмет которых как раз-таки и фокусирует внимание на поиске онтологических и гносеологических источниках, условиях, формах и механизмах хозяйственной эволюции, инструментах регулирования деятельности субъектов. Эти научные дисциплины по своей исходной основе дают старт, методологическую основу законов диалектики. Но эти дисциплины опасны своим стремлением к истине, что для социально-экономического бытия не очень то выгодно. Ведь вскрытие истинной природы, например, денег позволит выяснить, кто и чем реально занимается, что производит – истинное богатство или же транзакционные издержки, и обосновать *зарабатываемость* получаемых доходов, оценить реальный статус каждого класса и социальной группы [6, с. 3-23]. Однако скажем так, политическая экономия, не взирая на свою живучесть даже в условиях сформированного политико-экономической элитой идеологического вакуума, из-за своей невостребованности мало чего может предложить сегодня в объяснении сложившейся ситуации в мировой экономике и отдельных странах. Забегая вперед, подчеркнем в связи с этим, что крупнейшей *социальной инновацией* середины 20-го века является изменение утилитарной нормы поведения, оформленной «Теорией нравственных чувств» и «Богатством народа» А. Смита. *Сложная норма поведения*, на основе которой развивался производительный капитал как явление и как хозяйственная форма, заменяется доминирующей спекулятивной нормой. Капитал из производительного феномена постепенно превратился в спекулянта и это было принято на уровне формальных институтов и неформальных отношений. И, скорее всего, самую заметную роль здесь сыграла известная работа Кейнса, распространение идей которой выстраивало соответствующие для реализации спекулятивных целей институты, а общество впитывала это в сознание как моральную норму. По ней оценивали успех или его неудачи, иначе стал оцениваться бизнес. На рынке труда также не мастерство стало критерием как зрелости, так и оплаты труда, что долгие годы формировало развитие профессиональных навыков, а умение делать деньги из денег. Постепенно производительность труда перестала выступать критерием эффективности производства. Категория же *воспроизводства* вообще выпала из научного оборота, которая бы ориентировала на целостное и комплексное развитие, включающее достижения науки и ее освоение социально-производственным комплексом. Как пишет нобелевский лауреат по экономике за 2008 г. П. Кругман, начинаешь ощущать, что «словно отменили закон всемирного тяготения. Ловкие юнцы – только что из колледжа – в одночасье становятся мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказываются стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия» [7, с. 55].

Таким образом, анализ литературы по инновациям обнаруживает, во-первых, то, что инновационная тематика очень мозаична. При всей важности поднимаемых и решаемых в работах разного рода работах эти темы не имеют общего теоретического фундамента. Такая ситуация не позволяет выстроить *единую* целостную технологичную

картину и, следовательно, программу инновационной политики. А разнородные новации могут противоречить друг другу не создавая соответствующих сопряженных технико-экономических и социальных эффектов зависимости. Хороший современный дом нельзя построить без проекта в целом и хорошего в частности. Например, если у вас нет компьютера или он один, то для вас безразличны и соответствующие программы. Во-вторых, люди интеллектуально, организационно, психологически и пр. также могут быть не готовы, чтобы использовать эффективно в своем производственном процессе эти же компьютерные технологии. «Специализированный идиотизм» (П. Друкер), существующий в науке и, следовательно, в практике разрушил образовательную культуру буквально во всех человеческих сферах. Широко эрудированный человек сегодня выглядит как анахронизм или дилетант. Есть узкие специалисты по рынку денег, металла, нефти и пр., но действительно образованный человек по «рынку в целом», политике, социальным действиям, культуре, эволюции, в конечном счете, человеческих форм общения сегодня является крайне редкой породой. В-третьих, нет и книг (почти нет) эту тему. Они, как бы парадоксально это ни выглядело, не востребованы тем же рынком. Востребованы мелкие коммерческие проекты и разработки. Этим объясняется внимание к нанотехнологиям.

Вообще современное общество выстроило удивительную систему: степень фундаментальности осваиваемых наукой проблем обратно пропорциональна уровню денежного успеха носителей приращенного знания. Подтверждением этому тезису может быть не только размер доходов ученых и сопутствующих профессий, но и конкурсы в вузы на получение соответствующих профессий. Удивительно и то, что сегодня США еще развивается не благодаря своей системе образования, а благодаря инерции людей из развивающихся стран к знанию и образованию. Кто же кому помогает и какая социальная система более прогрессивная? Поэтому, в-четвертых, сложилось острое противоречие между духом наживы (вспомним работу М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма») и духом человеческого бытия в широком смысле слова, смыслом жизни. Иначе говоря, «тело» экономики явно не в ладах с «головой», духовно-психологическим состоянием и выполняемыми функциями организма или системы. Это то, что можно назвать «порядком из хаоса». Последнее, т.е. хаос – это порядок, это то равновесие, описываемое, пожалуй, экономистами. Но благодаря этому хаотичному порядку и извлекаются уже не просто предпринимательские доходы, а доходы рентные, распределяемые и перераспределяемые через манипуляцию сознанием.

К тому же сам *рынок* как совокупность взаимосвязанных между собой формальных норм и неформальных правил сегодня требует огромных затрат. Эти затраты называются транзакционными издержками. Но парадокс в том, что эти затраты финансируются за счет всего общества, а передаются в совершенно разных формах бизнесу, который осуществляя свой эгоистический интерес, уже приватизирует как частные доходы. Таким образом, именно здесь тоже можно обнаружить немало «социально-экономических инициатив», т.е. новаций, выражаясь «инновационной терминологией», позволяющих осуществлять «спекулятивную экономику». В-пятых, научная специализация, утрата наукой эвристическо-прогнозной функции, разобщенность рынков и доминирующее влияние спекулятивной нормы поведения хозяйствующими субъектами, поддерживаемые официальными институтами, создали ситуацию неопределенности, обострив эту проблему до хаоса. В свою очередь ситуация неопределенности делает непредсказуемыми как научные результаты, так и еще в большей степени делает крайне рискованным предприятием процесс внедрения и использования разного рода новинок, технических разработок.

Но рост риска, в общем-то, не означает, что творческая новинка, инициируемая создателем, менеджером или инженером не нужна для общества в целом. По сути,

почти любое изобретение не лишено смысла и общественной пользы. Риск заключается только в том, что минимально финансируемая для осуществления какой-то идеи или замысла денежная сумма может не принести дохода. И в этом заключается еще одно глубокое противоречие науки, техники, организации производства и коммерческого начала. К сожалению, разрешается это противоречие крайне сложно, если не сказать даже трагично. И разрешается оно не в пользу инициативных и творческих людей. То, что это так, свидетельствует крайне ничтожная доля этих творческих людей, которые не благодаря, а вопреки существующей системе оценки труда и деятельности, осуществляют свои изыскания. Поэтому некоторые страны или крупные фирмы, понимая данное противоречие, создают свои адекватные стимулы, поддерживающие и иницилирующие научно-технические новшества. Ведь система образования построена на стандартах, стандартах денег и капитала, которые лежат в основе серийно-конвейерного производства. Мораль как неформальная институция также не очень благосклонна к *иным* проявлениям человеческих отношений на любом уровне. Моральные нормы в целом всегда консервативны. Вспомним хотя бы феодально-патриархальные повинности, отношения той же частной собственности, которые никак не способствовали буржуазно-демократическим и капиталистическим нормам поведения и общения, формированию частной норм отношений частной собственности, но уже *норм капитала*.

Таким образом, эффективная *теория инноваций* является всего лишь *частным случаем* общего *политико-экономического знания*, которое своей главной задачей видит разработку стратегии и прочих атрибутов развития. Последнее же в научно-теоретическом виде не только не воспроизводится в республике, но и не продуцируется, не генерируется. Организационно также не существует соответствующей научной структуры, независимой, не конъюнктурной и ориентированной на долгосрочную исследовательскую перспективу и имеющую тесную связь с официальными политическими институтами. Последние существуют «по собственному здравому смыслу» и «по своему политическому чутью». Оно, это чутье понимает свой интерес, но потеряло чутье державного интереса. Но обращение к истории показывает, ни одна страна не может добиться устойчивого успеха в социально-экономическом развитии без востребованности в явном или имплицитном виде разработок *теоретической экономики или политэкономии на ее новом витке развития и использования*. Эта инновация или, иначе говоря, уровень развития и использования политико-экономических разработок имеет прямую корреляцию с уровнем благосостояния и социально-экономического развития страны в целом.

Одновременно обнаруживается прямая и обратная связь *между уровнем развития экономической науки и, естественно, уровнем развития экономики*, который проявляется в том числе и в структуре экспорта. По данным Доклада о мировом развитии за 2003 г. в 2000 г. экспорт высоких технологий составил в целом 34% от экспорта промышленных товаров, а в Германии – 18, в Швеции – 22, в Великобритании – 32, в Японии – 28, во Франции – 24, в Китае – 19, в Малайзии – 59, в Венгрии – 26, в *Беларуси* – 4, в Литве – 4, в Казахстане – 10, в Эстонии – 30, в России – 14% [8].

Воспроизводство и научно-информационный цикл развития

В воспроизводственном подходе *целостно* обнаруживаются не только обмен, но, и, как известно, другие хозяйственные фазы – производство, распределение и потребление, а также динамизм, развитие (не только рост) социальных компонентов экономики (отношения, нормы, интересы, связи и их формы), закономерности изменений технико-технологических основ, эволюция видов богатства, накопление социального капитала. Ведь первобытный человек тоже иногда интуитивно занимался

новаторством. Поэтому чтобы не уподобляться ему, важно заниматься поиском тех нововведений, которые обеспечивают перспективу *эволюции человека* и раскрытия потенциальных способностей последнего. Вспомним хотя бы элементарную, но все же широко употребляемую «пирамиду потребностей» А. Маслоу, раскрывающую закономерности эволюции человеческих устремлений, а, следовательно, и мотивации. Дело в том, что исчерпаны факторы и условия экономического роста, заложенные парадигмой неоклассической теории – отсюда не только поиск новых источников, но и качества роста. А выработка новой стратегии социально-экономического развития, где экономический рост является всего лишь ее частным случаем, лежит в области *политэкономии отношений деятельного субъекта*. Напомним, что политэкономия капитала и труда уже существует в рамках классической теории. Однако остальные отношения современного воспроизводственного процесса следует дополнительного изучения в изменившихся условиях.

Таким образом, *информационная революция*, завершая технико-экономический цикл развития революции промышленной, в свою очередь положила начало принципиальным *структурным изменениям* во всех сферах и областях деятельности человека, включая и *сознание* последнего. Структура экономики индустриального типа может быть представлена 1-3 технологическими укладами (см. таблицу «Технико-экономические циклы, промышленные приоритеты и страны-лидеры мировой экономики»). *Основной общественной формой организации и развития* для этого этапа выступает производительный капитал, а *нормой*, параметром регулирования является *средняя норма прибыли предприятий машиностроительной отрасли*. Ни теоретики, ни практики почему-то не учитывают того факта, что именно норма прибыли предприятий машиностроительного комплекса в эпоху промышленного капитала служила ориентиром и показателем регулирования многих экономических и социальных параметров: цен, налогов, бюджета и пр. Из таблицы также следует, что те страны определяют мировую политико-экономическую стратегию, а, следовательно, и геополитику, которые лидируют в каких-то инновациях и соответствующих отраслях, производстве товаров и услуг, технологий. Технико-технологические циклы не совпадают с циклами экономического развития, но корреспондируют друг с другом. Анализ доминирующих укладов в стране в сравнении с общей мировой циклической динамикой указывает на *возможности выбора* национальной стратегии развития, промышленной политики, определение институциональных форм по реализации конкурентных преимуществ страны в общем мировом контексте.

Формирование новой экономики соответственно связано с 5 и 6 технологическими укладами: производство и использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений телекоммуникаций, использование достижений тонкой химии и биотехнологии, космических технологий, «человеческих производственных отношений». Новая экономика, таким образом, усложнилась, обусловленная, прежде всего, новым *технологическим прыжком пятого цикла*. Свойственные для нее проявления стали *доминирующими* как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношениях. Как влияние, например, электричества, проникло во все виды производства в конце 19 в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала ведущей в конце 20 в. – начале 21 столетия.

Информация, став самостоятельным ресурсом, имеет принципиальное отличие во всем воспроизводственном процессе, формировании *ценности* (стоимости), организации и управлении. *Неделимость – воспроизводимость – безграничность – временная определенность – социально-психологическая (не стоимостная), субстанциональность* – признаки, которые принципиально отличают информационный ресурс от других ресурсов, что вносит существенные изменения во всю систему

отношений. Она обладает еще и свойством *общественного блага* и является основой формирования *социального капитала страны*. Информационно-социальный фактор, преодолевающий национальные границы прежних моделей экономики в развитых странах, определяет 50-70% (!) добавленной стоимости, а доля *нового сектора* за последние 15 лет кратно выросла и составляет в развитых странах 45-65%. В свою очередь *научно-информационный цикл* закладывает основы и траекторию развития, подчиняя все другие экономические циклы. Таким образом, суть нового подхода в оптимизации экономической структуры и соответствующей *политики* состоит в следующем. При мировом запасе знаний w^1 душевой доход (y^1) страны j есть функция от используемого страной мирового запаса знаний: $y_j^1 = f(w^1)$. Но это вовсе не означает, что традиционные отрасли и уклады исчезнут вовсе. Они уходят в основание системы и выполняют своего рода функцию *стабилизатора страны, основу национальной безопасности*.

Поэтому можно выделить революционные, *стратегические новации* и новации, совершенствующие тот или иной уклад. Первые повышают конкурентоспособность страны в мировом геополитическом пространстве и делают ее активным участником формирования мировой политики, а другие могут, например, активизировать добычу природных ресурсов и успешно (!?) реализовывать их за пределами страны. Можно «напрягаться», чтобы активизировать потребление и совокупный спрос, реализуя коммерческий, но все же *локальный интерес* определенных экономических агентов. Своих или зарубежных. Поэтому *эффективность* следует рассчитывать на политико-экономическом уровне с воспроизводственной точки зрения, а не локально, хотя это также необходимо делать для анализа процессов в краткосрочном периоде.

Внедрение научно-информационных технологий, не разрушая традиционных укладов, все же в целом создают *новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей*. В результате срабатывает синергетический эффект (кумулятивный по Т. Веблену, «созидательного разрушения» по Й. Шумпетеру), макрогенераций, где на гребне волны возвышения *совпадают амплитуды различных циклов*: технико-технологического, ресурсно-энергетического, капитального, финансового, социально-экономического и информационного. В этом, в конечном счете, смысл того системного свойства инновационного процесса, о котором правильно иногда пишут. Цикл такого рода характерен для современной экономики с ее пока преобладающими утилитарно-денежными ценностями.

Воспроизводственный аспект позволяет также выделить *новую норму*, регламентирующую не только поведение хозяйствующих субъектов, но и предающей *целостность современной экономической системы* – *среднюю норму прибыли высокотехнологичных отраслей*. Эта норма прибыли является следствием межотраслевой конкуренции и *нормативом*, базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким нормативом была средняя норма прибыли промышленного капитала. Этот ориентир свидетельствует, что не ставка банковского процента является экономическим регулятором, а *рентабельность инновационных отраслей*. Иначе говоря, ставки рефинансирования, методы девальвирования национальной валюты, которыми пытаются регулировать разнородную экономическую систему, в конечном итоге дают возможность всегда начинать и «выигрывать» самому мощному, но все же посреднику – банковскому капиталу. К тому названную выше *норму* следует, если привязаться к экономической практике Беларуси и России, ввести в качестве прогнозного, а лучше *планового социально-экономического показателя*. Именно она определяет будущее и текущее «здоровье» социально-экономической системы стран. Если она ниже банковского процента, и тем более ниже рентабельности

в промышленности, то кто же найдется, чтобы вкладывать в эти отрасли деньги и кто пойдет заниматься титанически сложной и неизвестной научно-исследовательской деятельностью, разработкой новой техники и технологий? Проблема формирования научно-технических кадров во многих странах, и Беларусь, Россия, другие страны, к сожалению, здесь не является исключением, подтвердит высказанный выше тезис. А технологии – это, прежде всего, знания. Нет знаний, нет технологий и нет стратегически перспективных инноваций.

Современная экономика в контексте исторической ретроспективы движущих сил развития

Итак, источники и условия *развития* можно разделить на внутренние (материальные ресурсы, социальный капитал) и внешние – международные институты в широком смысле слова. Подчеркнем, что из всего многообразия институтов *экономический образ мышления и поведения* основной массы населения (класса, социальной группы, политиков) в стране является самым фундаментальным институтом.

Процесс глобализации изменил приоритет этих факторов. Международные факторы из производных стали *доминирующими* и самыми влиятельными рамками развития и роста национальных экономик. Возник *метарынок* как совершенно новое структурное образование международных институтов. Это жестко централизованное объединение, в котором национальные экономики в лучшем случае могут представлять себя «элементарными частицами» с утвержденными (!) им функциями. Изменилось и воспроизводство в мир-экономике. В силу сложившегося разделения труда и капиталов на «севере» работает рынок ценных бумаг, где «делают» деньги непосредственно из денег. Западные агенты в силу своей специализации предпочитают пока использовать рынки физических капиталов и труда. Восточные же отдают предпочтения рынкам товаров, а южные сориентированы на непосредственное производство серийных потребительских благ. «Центр» *производит политику и технологии (знания)*, определяя нормы, правила, принципы распределения и потоки обмена (метарынок) данными продуктами. Но эта кооперация на мировом метарынке предполагает активный диалог и знание международных политико-экономических тенденций с учетом лидирующих интересов финансово-политической элиты. А поскольку это специфические продукты, где качество определяется «экспертами-политиками», которые руководствуются далеко не рыночными критериями, а соображениями интересов своих стран и мировой элиты, то частично именно этим объясняется низкая доля экспорта технологий наших стран. Иначе говоря, кроме производства самих технологий какой-то страной важен фактор ее оценки и включения в мировую *политико-экономическую матрицу* с учетом многих составляющих. Получение недавно нашей республикой кредитного рейтинга означает уже некоторые изменения политико-экономических оценок ее поведения, результатов хозяйствования на этом специфическом, но очень мало изученном рынке технологий. Бедность самих разработчиков и стран, где они проживают, позволяют весьма умело с выгодой для более богатых стран патентовать новые идеи и технологии. Но сам факт рейтинговой оценки представляет итог нового конкурентного существования, что дает ориентир и старт к развитию собственно развивающихся экономик.

После распада социалистической системы мир, где, по сути, «большая политика» формировалась в зоне интересов двух империй, приобретает *монополярный вид* с явно выраженными чертами *нового империализма*. Сейчас если и идет какая-то конкуренция, о чем пишут в неоклассических пособиях по экономике, то это конкуренция институтов *за новый передел мира*, за новое влияние в мире. Средства и методы применяются для этого от самых традиционных (военные) до более искусных, обусловленных развитием информационно-компьютерных и политико-психологических технологий. Цель

формирования глобальной империи – извлечение и перераспределение принципиально нового дохода – *глобальной ренты*. Например, период меркантилизма и ростовщичества обострял понимание периоды денег, торговли и соответствующих доходов. В свою очередь эпоха активного земледелия выдвинула ренту в качестве центральной категории для физиократов. Промышленный капитал уже прибыль делает самой обсуждаемой проблемой. Но если в той или иной степени с земельной рентой, равно как и с прибылью, добываемой и присваиваемой производительным капиталом, смирились и согласились, зафиксировав это в теории Парето-оптимумом и другими равновесными категориями, то доходы и их формы современной эпохи для многих представляют для многих не только умозрительную загадку, но и реальный практический интерес. Таким образом, проблема дохода в современных условиях сместилась с уровня внутригосударственного, внутринационального в плоскость даже не межгосударственного, а в большей степени в область *деятельности наднациональных институтов*. Суть проблемы состоит в том, что в разные исторические эпохи, разные институты (формальные и неформальные), устанавливая определенные рамки и ограничения, поведения и мотивы, создавали и конкретные механизмы по извлечению доходов и их распределению. В последних же реализовывался более или менее компромиссный общенациональный экономический интерес как противоречивое единство интересов основных слоев, классов, социальных групп. Но *раскрытие природы и источников современных доходов наталкивается на мифологизацию глобализации* как современного явления [9, с. 106-108].

Империя монополий «уплотнила» и вывела империю на преимущественно политико-экономические формы изъятия и перераспределения *глобальной ренты*. Это основной вид дохода современного *жестко централизованного метарынка*. И он поддерживает прямо или косвенно лишь те инициативы, которые способствуют реализации данной цели. До сих пор существует комитет по контролю за экспортом, который определяет, кому и какие технологии можно продавать, а какие на каких условиях и в каких формах приобретать. В свою очередь он определяет и лицензионно-патентную политику. Итак, *глобальная рента* – это часть необходимого и прибавочного продукта, доля добавленной стоимости функционирующей мир-системы, извлекаемой через неравные институциональные возможности хозяйствования, опосредованные в том числе асимметричностью информации (разной доступностью стран к мировому запасу знания), в нормах, стандартах и правилах, определяемых международными институтами. Научно-технологическая деятельность (процесс) и обмен ее продуктами, осуществляемый на *особых условиях*, является для этого дохода основным видом хозяйственной деятельности. Поэтому современную экономику из-за специфического производства и продукта иногда называют *процессной экономикой*. И хотя в ней «производится» более половины добавленной стоимости мира, книг с теоретическим анализом данного явления написано крайне мало, что вполне объяснимо... К началу XXI века сложилась ситуация, когда сообщество постиндустриальных стран уже не имеет полноценных конкурентов. *По существу мировой рынок – это монополизированный рынок без конкурентов*. Ведь 94 % научных работников работает в развитых странах. Семь ведущих постиндустриальных держав обладают около 90% компьютерной техники и контролируют почти столько же зарегистрированных в мире патентов, обеспечивая более 90% высокотехнологичного производства.

Возникла и новая форма эксплуатации и неравенства – информационно-психологическая, т.е. *разнодоступность* стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – *глобальную ренту* можно получить лишь *манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на*

информационно-психологическом поле. Уже не производство товаров является основным видом воспроизводственного процесса, создание *образа или брэнда.* Это то *новое виртуальное «экономическое поле»,* которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире. Возникли, если использовать привычную терминологию, и новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело пользуются всеми преимуществами нового ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели его, *облекая в известные рыночные правила и демократические процедуры.* Возникли и абсолютно новые формы конкуренции. Одна из них похожа на распространение «научных слухов», например, о курином и свином гриппе, озоновой дыре и пр. Но это уже иная экономика и *она требует новой теории,* а правильнее – не-теории или искусной риторики о вреде или пользе того или иного товара.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, *утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию.* Это, во-первых. А во-вторых, процессная или деятельная экономика по своим морально-психологическим нормам уже никак не вписывается в товарно-стоимостные оценки и стимулы. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и *нашедший эффективные и одновременно справедливые* для своего времени *экономические принципы* реализации нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего *нового противоречия* эпохи.

Институты и инновационная экономика

Принципиальной ошибкой, может быть мифом, является утверждение о том, что переход к рынку автоматически обеспечит экономический прогресс, рост и развитие. Содержание процедуры перехода к рынку упрощенно раскрывается тремя понятиями: либерализацией, приватизацией и отсутствием бюджетного дефицита. Если и принять во внимание эти мероприятия как необходимые, то все-таки они абсолютно не являются достаточными. Если бы было все так просто, то индустриальные государства не нуждались бы ни в каких теориях развития, а развивающиеся страны уже давно бы разорвали *порочный круг:* бедность → низкая норма сбережений → слабая инвестиционная и инновационная активность → низкая производительность труда → низкие темпы роста → бедность. «...Иногда испытываешь шок, когда понимаешь, -- пишет Дж. Хикс, -- что не рынок был его (разделения труда - П.Л.) источником. *Изначально развитие мастерства не зависит от рынка.* Оно действительно предполагает специализацию (подобно введению нового технологического процесса на современной фабрике), *которая предписана «сверху»* [10, с. 44]. Современное государство является слишком сложным институтом, чтобы, как и 200 лет тому назад, видеть лишь степень либерализма и экономической свободы, факторами роста и развития. С другой стороны риторические заклинания о всемогуществе государства также являются теоретически малопродуктивными. Даже такие государственники как К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология» видят, по крайней мере, три результата государственного управления: способствующее экономическому развитию страны, нейтральное и противодействующее. В этом направлении политико-экономическая мысль продвинулась значительно вперед, включая в процесс развития все новые и новые аспекты влияния. Например, эконометрически доказывается, что на экономический рост и развитие влияют не столько запасы капитала, демократия или

стабильность власти, но и семья, религия, идеология (!) и другие факторы. Интересно исследование, в котором индекс Конфуция указывает на будущие перспективы развития той или иной страны [11]. Оказывается, если в государстве придерживаются учения этого философа, то страна имеет высокий индекс и, следовательно, высокую ориентацию на будущее развитие: Китай – 118, Гонконг – 96, Тайвань – 87, Япония – 80, Индия – 61, США – 29, Великобритания – 25. Конечно, можно к этому индексу относиться скептически. Но если обратить свой взор в историю, то окажется, что казалось бы самые незыблемые в своем влиянии страны сошли с ведущей арены своего воздействия на мировые процессы.

Серьезная ошибка исследователей в области экономической истории теории заключается в том, что они ведущим фактором экономического роста считают ресурсы и размер капитальных вложений. На самом деле, ключевым условием развития и роста является *институциональная структура и ее воздействие на стимулы не только к изобретениям и инновациям, но и к более эффективной организации производственного процесса, к уменьшению транзакционных издержек на рынках товаров и ресурсов, к созданию юридической системы для контроля над выполнением контрактов, к определению и защите прав собственности, и главное, к совершенствованию этих стимулов*. При таком подходе мы можем и не знать, как конкретно достичь желаемых результатов, однако мы можем правильно подойти к разгадке, почему все же нам не удается этого сделать.

Институты выполняют роль «несущей конструкции» любого общественно-экономического образования и с них всегда начинаются трансформации системы, равно как и ее завершение. Поэтому как *устройство, так и изменение, совершенствование социально-экономической системы предполагает в первую очередь обращение к институциональному устройству*. Глобализация и соответствующие проблемы мир-экономики также обусловлены возникновением *особых институтов*, повлиявших на существенные изменения в мире и отдельных странах. «Нации конкурируют в основном в выборе альтернативных институтов или стратегии для стимулирования более быстрого экономического роста и повышения жизненного уровня... Конкурентоспособными являются те нации, которые выбирают институты и политику, способствующие долгосрочному росту» [12].

Важной методологической установкой для выяснения проблем развития и роста в транзитивных экономиках представляется категория транзакционных издержек и институциональная динамика. Эти две позиции связаны между собой, хотя имеют и самостоятельное значение. Экономическое развитие и рост в определенных институциональных условиях — это, прежде всего, результат расширения такой кооперации и обмена, при которых транзакционные издержки не увеличиваются. В переходных экономиках «благодаря» разрушению (стихийному или целенаправленному) старых формальных институтов образовалась институциональная пустота, поскольку социальный капитал системы разрушился, а «плотность экономического поля» резко снизилась. Новые же институты для своего создания требуют часто довольно значительных затрат времени, равно как и затрат материальных. Отдача от новой системы институтов имеет свой временной лаг. И хотя «институциональные пустоты» нуждаются в более тщательном объяснении, общим итогом этого явления стало резкое снижение социального потенциала, не позволяющего, в конечном счете, реализовать имеющийся производственно-технологический потенциал. Таким образом, кривая «институционально-социальных возможностей» (см. рис.) может выступать препятствием реализации кривой «производственных возможностей». Обмену мешают увеличивающиеся транзакционные издержки, следствием чего выступает низкая эффективность

используемых факторов производства, не обеспечивающая *высокотехнологичного прироста ВВП*.

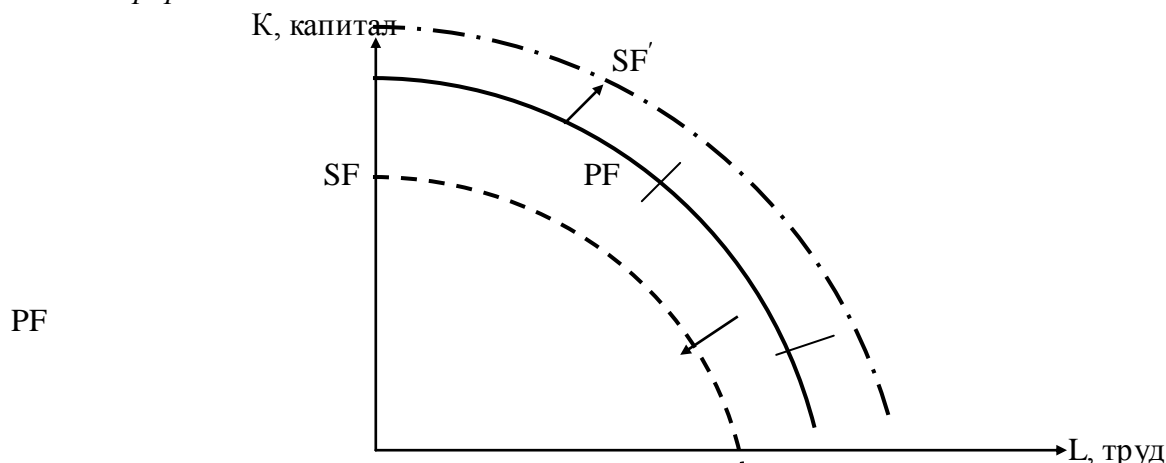

Рис. Кривая производственных (PF) и социальных (SF) возможностей

Однако созданные *новые институты (SF')*, которые отражают всю систему производственных отношений, могут обеспечить рост и развитие экономики при тех же запасах физического и финансового капитала. В то же время новые институты могут стать и серьезным препятствием для реализации имеющегося экономического потенциала. Как показывает практика, требуются разработки способов, не просто методов взаимодействия государства и экономики на разных уровнях, а адекватной и непротиворечивой институциональной системы. *Институциональные инновации*, таким образом, это то базовое условие, которое закладывает фундамент для реального процесса социально-экономической динамики. Как отмечается в «Докладе о мировом развитии за 2002 год» исследователями Всемирного банка, «...положительные зависимости между экономическим развитием и показателями институционального успеха зафиксированы повсюду [13, с. 9]. Конечно, самостоятельной и крайне сложной проблемой является проблема установления связи между конкретными институтами и конкретными результатами в странах. Знаний по институциональному планированию, прогнозированию, строительству и регулированию, к сожалению, у нас явно недостаточно. Поэтому политики до сих мыслят политические процессы в категориях 18-19 веков – больше или меньше государства. А ведь проблема сместилась уже давно в плоскость качественного взаимодействия экономики и государства, субъектов и объектов управления и регулирования.

О деньгах и иных феноменах инновационной экономики в двух словах

Достижение нового технологического уровня всегда требует соответствующих затрат. Но не рынок⁵ инициирует и обеспечивает эти затраты (!!!). В первую очередь эти затраты, а точнее *авансы, делают... исследователи и разработчики научно-технической продукции* начиная со школьной скамьи и заканчивая новым знанием, в лучшем случае подтверждающем свое авторство охранной грамотой или патентом. По крайней мере еще не нашли чего-то подобного на бизнес-план известного исследователя или разработчика. Всегда исследователи и разработчики под свои идеи

⁵ С удивлением можно констатировать, как вольно и упрощенно чаще всего толкуется это понятие. Можно провести параллель по ассоциации с вульгарной физиологией. Для расширения этого понятия, по нашему мнению, следует познакомиться с работами: Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. с фр. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.; Хикс Дж. Теория экономической истории. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006. – 224 с.; Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Институционализм в новой экономической истории. – В кн.: Институциональная экономика / Под ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 242-358.

... просили денег. Никто, правда, не подсчитал затрат и трагедий людей, не получивших не то что при жизни материальных благ, но даже общественного признания. Деньги начинаются потом. Более того, в период формирования рынка промышленного капитала фактор труда (парадоксальная фраза, но применяемая экономистами) обеспечивал свое нравственное и интеллектуальное развитие за счет собственных средств и не благодаря, а вопреки существующим на тот период законам *распределения*. Скажем так, научно-исследовательская сфера или отрасль по своей природе, особенностям производства и специфике продукта, законам его распределения и обмена является *не коммерческой сферой*. Ее деятельность сопровождается высокой неопределенностью результатов и риском, специфическими потребительскими свойствами и, следовательно, оценками (ценой). Ведь, как писал совсем недавно главный редактор журнала «Бизнес Уик», мы знаем, как измерить продукцию старой экономики, но абсолютно не знаем, как измерить ее в высокотехнологичной экономике. Иначе говоря, *предложение научно продукции* на рынке имеет косвенную зависимость от денежных стимулов. К тому же неизвестно какой продукт будет представлен на рынке, а еще более неизвестно, какой из них приобретет «товарный» вид, т.е. включиться не просто в экономический, а в *рыночный оборот*. Т.е. кривая предложения не четко выражена в известных линиях.

Сегодня на решение ввести научно-техническое новшество влияет расчет нормы прибыли в будущем, источник инвестиций, расчет риска. Однако все-таки отправной точкой всяких расчетов является показатель банковского процента. Это удивительный факт стал нормой, но его внятно с точки зрения «нормальной» экономики объяснить не пытался и не может. О том, что этот риск значителен свидетельствует то, что из каждых десяти изделий, которые прошли стадию исследования и разработки, пять не выдерживают производственных и рыночных испытаний, а из пяти, которые проходят эти испытания, только два приносят коммерческий успех [14, с. 130]. В случае успеха, к тому времени, когда новый продукт доводится до рынка, общая сумма затрат фирмы–новатора во много раз превышает затраты на первоначальные исследования, приведшие к фундаментальному изобретению. Исследования и перспективные разработки, ведущие к фундаментальному изобретению, обычно составляет 5-10% общей суммы расходов. Последующие же расходы на проектирование и конструирование продукта обычно составляют около 10-20% , а расходы на подготовку производства и доводку продукта – 40-60% общих расходов. Наконец, начальные производственные расходы составляют от 5 до 15%, а начальные расходы по сбыту – от 10 до 25% общих расходов. Существует также *разный временной лаг* между исследованием, изобретением и внедренным новшеством в различных отраслях промышленности. Короче этот лаг на потребительские товары, разработки, осуществляемые на правительственные средства, в ВПК, чем в гражданских отраслях [14, с. 127, 132]. Есть и другие параметры *экономики инноваций*.

Однако сфера денег и денежных отношений получила достаточно сильное распространение и развитие, проникнув в настоящее время даже в те области деятельности людей, которые лишь косвенно соприкасаются с этим феноменальным материалом. Фиктивный капитал породил «финансовый пузырь», то есть виртуальную экономику, а вместе с ними и *фиктивные доходы*, включающие международные рентные доходы. Даже Дж. Сорос отмечал, что «деньги узурпировали роль подлинных ценностей. ...Но ложная гипотеза не может господствовать бесконечно долго» Поэтому, как пишет далее известный финансист, «когда мы применим экономические теории к реальному миру, то мы можем получить искаженную картину» [15, 101].

Одно из противоречий современной мир-экономики лежит в плоскости столкновения интересов *денежной экономики* и ее доминирующей спекулятивной нормы поведения с *нравственно-этическими и моральными* ценностями человека. Мы

хотим обратить внимание на *рентоориентированность и утерю инновационно-производительной мотивации современного бизнеса*. Последний больше «предпринимает», чтобы не создать какое-то полезное благо, о чем говорил А.Смит, подчеркивая это нравственное условие получения прибыли, а перераспределить или выступить посредником и «зарабатывать» на трансакционных операциях. Сегодня доля дохода трансакционного сектора в ВВП западных стран доходит до 50%. «Превращение предпринимателя в спекулянта, – писал Кейнс, – это удар капитализму, ибо он разрушает то психологическое равновесие, благодаря которому возможно существование неравенства доходов... Дельца переносят лишь постольку, поскольку его доходы стоят в некотором соответствии с содеянным им» [16, с. 100]. Сегодня всего лишь 2 % всех трансакционных операций сопровождаются движением реальных товарных ценностей, услуг обслуживающих реальные потребности человека. Остальное же приходится на спекулятивные операции с ликвидным материалом, позволяющим с *нарастающим* риском для его *собственников* и еще *большим риском для общества*, извлекать банковско-финансовому сектору валютную *ренту*.

Это означает, что научно-информационная и техническая сфера входит в зону экономических интересов кредитно-банковской системы по преимуществу лишь в плоскости реализации своих спекулятивных целей. Но все-таки надо помнить, что банковская система является производной от реальной экономики и, по крайней мере, более чем на 5/6 состоит не из собственного, а из привлеченного капитала. Этот капитал общественный и он требует общественного контроля и должен «работать» на общественные нужды.

Банк – экономический институт переходного типа. Он с одинаковой степенью может проводить спекулятивные операции, которые сегодня в день составляют 2 трлн. долл (!!!). Но банк может и обеспечивать условия для общественно-экономического прогресса. Это можно делать созданием новой покупательной силы по сути из ничего, направляя эту силу не только в спекулятивные операции. Об этом еще в свое время говорил Й. Шумпетер. Обычно в макроэкономике принимается равенство: $I_t = S_t$, где I_t – инвестиции определенного года, а S_t – сбережения года t . Но необходимо, чтобы $\Delta CR_t = I_t - S_t > 0$, где ΔCR_t – кредитная эмиссия вновь начинаемые в году t *под инвестиционные проекты инновационного типа*. В ортодоксальной же теории $\Delta CR_t = I_t - S_t = 0$.

Сегодня в обществе произошел раскол. С одной стороны науку пытаются коммерциализировать, из-за чего она теряет свою теоретическую фундаментальность и объективность. А с другой – главная движущая сила современного развития экономики – научно-технологическая по существу не вписывается в созданный общий экономический механизм. ...«Ремесленников и кузнецов боялись из-за того, -- отмечает Ф. Хайек, -- что они занимались преобразованием материальных субстанций; торговцев боялись из-за того, что они занимались преобразованием такого неосязаемого качества, как ценность. Насколько же сильнее люди должны бояться банкира, совершающего преобразования с помощью самого абстрактного и бестелесного из всех экономических институтов?!» [17, с. 179]. И действительно, банкир приобрел силу, которая является прежде всего общественной производительной силой, а не силой банков. А если это так, то и контроль за этой общественной силой должен быть не узко специализированный и корпоративный, а общественный. И никакие ссылки на международные или финансовые институты здесь просто не уместны. Эти организации проводят, как показывает практика и современный кризис, чисто корпоративный интерес. Более того, они умудрились уговорить правительства многих стран взять издержки банковско-финансовой системы на тех, которых называют налогоплательщиком, но доходы все-таки банки предпочитают приватизировать. Собственно, это еще одно из противоречий, которые когда-то Маркс сформулировал

как противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Отдельный и серьезный вопрос о собственности на научно-технические разработки и авторском праве. Д. Норт решение этой проблемы связывает с третьей экономической революцией. Новая технология, подобно всему новому знанию, является общественным благом и люди, приобретающие его, не уменьшают его объема для других. Поэтому для *повышающейся эффективности* к новому знанию должен быть доступ бесплатным. Однако это приведет к тому, что не будет дополнительных стимулов для потенциальных изобретателей. Чтобы создание инноваций сделать привлекательными, надо за создателем закрепить права выпуска этих разработок. Это суть дилеммы прав на интеллектуальную собственность. Но, однако, если бы мы и были в совершенстве наделять такими правами, все равно, остается следующая проблема. По недавним подсчетам около 80% выгод от этих «защищенных» изобретений используется все-таки другими. А если изобретатели не очень альтруистичны, то общества будет иметь тенденцию «недопроизводства» нового знания. Что сегодня и очень чувствуется⁶. Но данную проблему по преимуществу индустриально развитые страны решают за счет других стран, равно как и «пороки» своего образования.

К счастью, деньги и почести - не единственное, что стимулирует ученых. И, кстати, предпринимателей тоже стимулирует к инновациям не только прибыль. Система институтов должна быть *селективной и компромиссной для интересов и создателей инноваций и тех, кто конкретно их реализует, с учетом общественных выгод*. Непростой вопрос, но именно его решение ведет к разгадке капитала, почему все-таки одни страны бедные даже при значительных ресурсах, а другие вполне успешно ведут свое хозяйство. Поскольку денежное обращение, как считает Й. Шумпетер, является просто вспомогательным техническим средством в научно-инновационной сфере, то возможно и целесообразно введение *специальной кредитной политики* центральных эмиссионных банков и оказывающей влияние на частные банки в этом направлении [18, с. 429-430].

Наконец, последнее. Инновационная экономика, как известно, в первую очередь опирается на креативные кадры. Последние, и это тоже вроде бы известно, готовятся образовательной системе. Пожалуй, выскажем крамольную мысль, что в реформах образования (и школы и вузов) нет целевой функции, которая бы *органически вытекала* из той правильной стратегии, которая принята страной. Речь идет о создании инновационной экономики. Всеобщая «стандартизация» и «тестизация» достигает цели контроля не знания школьников или студентов, а *узнавания* в подсказанных ответах уже существующих часто устаревших просто сведений. Стандарты и тесты никак не приводят к генерации нового знания, что крайне необходимо для реализации поставленных задач на повышение конкурентоспособности экономики через инновационную стратегию. Конечно, борьба за «прозрачное поступление» и выпуск – благое дело. Но и Ломоносов был зачислен на учебу в нарушение правил, а большинство известных ученых стали такими, потому что вышли за пределы стандартов.

То, что профессорская должность в шкале приоритетов молодых выпускников школ и вузов занимает почти последнее место, уже *нарушила преэминентность кадров в научно-технической сфере*. И это подтверждается статистическими данными о возрасте и научной квалификации кадров. К тому же когда разрушается слишком

⁶ На данном этапе рассуждений из-за известных ограничений выскажем свое согласие по решению этой проблемы с авторами: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Россия и новая экономика: на пути к общедоступным сетям знаний, распределению издержек и отказу от интеллектуальной частной собственности // Философия хозяйства. – М.: МГУ, 2002, №№ 3,4,6.

большой объем знаний, то экономика теряет основы для управления, дальнейшего накопления знаний, которые воплощены либо в людях, либо в технологиях. Россия сама потеряла, разрушив свой научно-технический потенциал, но еще большую потерю можно обнаружить при разрушении *научной кооперации*, которая в свое время существовала в рамках союза. Вот здесь и теряется тот синергетический эффект, о котором говорили в свое время представители теории систем.

Таким образом, инновационная экономика является частным случаем развития и не может быть правильно понята, если ее рассматривать через призму «традиционной» экономической теории. Расширенный междисциплинарный политико-экономический подход позволяет зафиксировать новое качество и проблемы современной мир-экономики как целостной хозяйственной формы и самостоятельной аналитической единицы. Это система, в которой институциональная составляющая является доминирующей. Совокупность институтов определяет и задает, в конечном счете, степень инновационности или «традиционности» экономической политики. Поэтому *институциональные инновации* не могут не иметь приоритета, как в инновационной практике, так и в научных исследованиях. Инновационное развитие имеет циклический характер. Но современное состояние мир-экономики таково, что технико-технологические циклы не совпадают с другими циклами экономического развития. Последствия разных циклов прямо или косвенно отражаются на национальных экономиках из-за сложившейся интеграционной тенденции и целостности мирового хозяйства. Капитал современной экономики – это, парадоксально, но кооперация капиталов и институтов, которые обеспечивает новую производительную силу для обеспечения развития. Или же создающих условия для стагнации, мирового разложения, подводящего к распаду подобно прошлым цивилизациям.

Первоначально все-таки нам следует сконцентрировать внимание не столько на этих специфических нормах, которыми являются международные нормы и правила, сколько *на процессе познания мира, в результате которого складывается определенная система ценностей. Процесс же познания мира зависит от методологии*, от того, каким образом существующая система ценностей воспринимает и фильтрует информацию, полученную на основе теоретического и жизненного опыта, а также от того, в каком временном и пространственном контексте индивидуумы набираются этого опыта. Все же христианские рамки в средние века не создавали благоприятных условий для процесса познания. Надо было в реализацию возникающей человеческой прагматики приспособиться к иному и это было выполнено с помощью известных реформаций. Фактически все эти факторы способствовали формированию системы ценностей, способствующей экономическому росту и появлению политических и гражданских свобод. Воплощенная в христианской религии система ценностей развивалась в основном в направлении, благоприятном для экономического роста. Есть очень реальные наблюдения ученых (Эрнст Бенз и Линн Уайт), подтверждающие, что христианская вера тоже постепенно развилась в потребительское отношение к природе. Но это отношение, инновация явились важной предпосылкой технологического прогресса. Сегодня теория познания – самое слабое звено в науке в целом и в экономической в частности.

Исследование условий и причин экономического развития, роста, спада или деградации в различные периоды должно охватывать как воздействия внешней среды, так и внутренних изменений системы стимулов, нравственных ценностей в обществе, в самом институте государства, при котором решения о правах собственности и других институциях исходили из центра и могли быть изменены по прихоти императора, государя. Централизованная система принятия решений может благоприятствовать экономическому развитию, когда в интересах правителя находится создание условий, стимулирующих рост, развитие и удовлетворение его прихотей или интересов. Но он

должен это знать или чувствовать, равно как и то, что есть общественный интерес и возможности общественного контроля. Когда же правитель по причине финансовых проблем или по каким-то идеологическим убеждениям проводит политику, способствующую деградации нравственных норм и правил, стимулов в обществе, это приводит к стагнации экономики, к деградации страны в целом. История изобилует фактами на сей счет.

Литература

1. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. - М.: Прогресс, 1970.
2. Бьюкенен Дж. Нобелевские лауреаты по экономике. Избранные труды. - М., 1997.
3. Баумоль У. Чего не знал А. Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики, 2001, № 2.
4. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест, 2003, вып. 3, № 3.
5. Лемещенко П.С. Теоретическая экономика: структура, классические традиции, новые тенденции – Минск: БГУ, 2001. – 299 с.
6. Лемещенко П.С. Институциональная природа денег, Или к основанию тайны финансового кризиса // Социология. - Мн.: БГУ, 2009, № 1, с. 3-23.
7. Кругман П. Великая ложь. – М., 2004.
8. Sustainable Development in a Dynamic World. Transforming Institutions, Growth, and Quality of Life. World Development Report 2003 / World Bank, Wash., 2003.
9. Лемещенко П.С. Глобализация: миф, виртуальность или реальность? // Проблемы современной экономики. – СПб, 2005. – № – 1-2., с. 106-108.
10. Хикс Дж. Теория экономической истории. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2006. – 224 с.
11. Hofstede G. Culture and Organizations. Software of the Mind. – L., 1992.
12. Сакс Дж. Доклад по глобальной конкурентоспособности на Международном экономическом форуме в Давосе. *Нtip*: // ft_teltvision.com/today/stories/wef3.htm 20/04/98.
13. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. - М.: Весь Мир, 2002.
14. Мэнсфилд Э. Экономика научно-технического прогресса. М.: Прогресс, 1970.
15. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.
16. Кейнс Д.М. Трактат о денежной реформе // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1993.
17. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. М., 1992.
18. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.

**Технико-экономические циклы, промышленные приоритеты
и страны–лидеры мировой экономики**

Циклы	Годы	Ведущая отрасль, вид инноваций	Энергетическая революция	Революция на транспорте и в связи	Сети	Ведущий вид капитала и дохода	Общественная экономическая форма организации и норма поведения	Страна-лидер
I	1770-1850 гг.	1770 г. – прядильная машина; 1785 г. – ткацкие станки; текстильная промышленность	1769 г. – паровой двигатель, уголь	Первая железная дорога	Торговые сети	Торгово-денежный; торговая прибыль	Свободная конкуренция, кооперация, мануфактура; стоимость, цена	Великобритания
II	1850-1990 гг.	1856 г. – Бессемеровский метод плавки стали; металлургия, железные дороги	1860 г. двигатель внутреннего сгорания, 1867 г. – динамомашин	Железные дороги, телеграф; 1876 г.- изобретение телефона	Сети транспорта	Производительный, промышленный; прибыль	Межотраслевая конкуренция, фабрика; цена производства	Германия, становление Франции и США
III	1900-1930 гг.	1901 г. – радио 1903 г. – синтез аммиака; производство автомобилей, электричество, химия, машино-строение; 1929 г. – изобретение телевидения	Нефть	Самолет и автомобиль	Энергосети	Монопольно-банковский; монопольная прибыль	Монополия; монопольная цена	США, СССР, Германия
IV	1935-1970 гг.	1935 г. – нейлон; автомобиль и авиатранспорт; 1946 г. – компьютер; 1968 г. – полиэстер, электроника, нефтехимия	1954 г. – атомная энергетика; атомная энергия	Авиатранспорт	Коммуникационные сети	Финансовый; банковско-финансовая рента	Государственно-монополитический альянс; трансферты	Становление Японии, США, Германия
V	1980-нач. 2000 гг.	1982 г. – космические технологии, биотехнология, новые материалы, нанотехнологии	Новая энергия (поиск альтернативных источников)	Информатика, связь, глобальные сети	Глобальные информационные сети, знания	Глобальный капитал; глобальная рента	Международные институты; институциональная ценность	ТНК, США, ЕС, др. региональные союзы

Лемешенко Петр Сергеевич, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики, докт. экон. наук, профессор;
(220050, комн. 203, 410, кафедра теор. и инстит. экономики, эконом. факультет, Белорусский государственный университет,
пр-т Независимости, 4, г. Минск, Республика Беларусь; тел. : сл. 222 35 93, 222 36 01;
адрес дом. : 220100, д. 78, кв. 493, ул. М. Богдановича, Минск, т/факс 331 96 64;
e-mail: индивидуальн. - liamp@bsu.by; кафедры - caftiec@bsu.by- lemeshchenko@bcse.by